

П. А. Колесников

ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ
КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИИ
ПОМОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVI—нач. XVIII в.

Необходимость всестороннего изучения миграции поморского населения в XVI — первой четверти XVIII в. обуславливается многими причинами. И прежде всего ролью населения Европейского Севера в заселении и освоении Урала и Сибири, в целом ролью этого края в социально-экономической истории Русского государства в указанный период времени.

Фронтальное изучение миграционных процессов и в столь широких хронологических рамках требует и соответствующей источниковедческой базы. По нашему мнению основой этой базы могут служить такие сравнительно однотипные источники, как писцовые и особенно переписные книги.

До сих пор эти документы еще недостаточно привлекались для изучения миграционных процессов на всей территории Европейского Севера и в сквозном плане за время с XVI в. и до начала ревизского учета населения в XVIII в.

Видимо, одной из причин такого положения является отсутствие в литературе источниковедческого анализа возможностей, которые дают эти источники для изучения данной проблемы. Эта цель и поставлена автором данной статьи.

* * *

Писцовые книги XVI в. для изучения миграции поморского населения фактически не использовались. К тому же, по северным уездам эти источники представлены небольшим числом документов. Нам известны материалы описаний второй половины XVI в. по Заонежским погостам, Двинскому, Важскому, Яренскому, Чердынскому, Соликамскому и некоторым другим уездам. Хотя среди них преобладают фрагментарные отрывки из писцовых книг, но и при этом эти материалы представляют исключительную ценность, дают возможность проследить миграцию населения

по отдельным уездам или волостям, начиная с середины XVI в., составить динамические ряды интенсивности миграции в отдельные периоды почти трех столетий.

Текстуальный анализ этих источников позволяет выявить причины запустения дворов и судьбу их владельцев.

Гораздо обширнее фонд сохранившихся дозорных, писцовых и переписных книг по северным уездам за XVII век. За различные годы этого столетия они имеются по всем 23 уездам бывшего Русского Поморья, включая и Вологодский уезд. Более широко использованы они и в целях изучения движения северного населения в указанное столетие.

Наиболее полно в этом плане использовал писцовые и переписные книги Соликамского уезда Н. В. Устюгов. Изучая рабочую силу на соляных промыслах, он по переписной книге 1678—1679 гг. и по дозорной 1707—1708 гг. выявил годы прихода и места выхода приходцев в этот уезд с 1747 — по 1707 г.¹. Отлив населения автор этой интересной монографии не изучал.

Привлекли эти источники для изучения движения населения и ряд других советских исследователей социально-экономической истории отдельных северных уездов².

В итоговых данных дозорных и писцовых книгах первой четверти XVII в. указано только количество пустых поселений и дворов. Конкретные сведения о времени и причинах запустения каждого двора, о судьбах дворовладельцев можно получить путем детального анализа текста всего источника.

Судя по этим источникам, преобладали те причины ухода людей, которые были вызваны событиями «смутного» времени начала XVII в. Так, по дозорной книге Тотемского у. 1619 г. около половины пустоты образовалось от того, что владельцев дворов «убили литовские люди», не мало обнищало «от хлебного недороду» в 1602 и 1603 гг. Эти причины преобладают в писцовых книгах многих северных уездов 20-х годов этого столетия.

Судьбы дворовладельцев и направление миграции преимущественно показываются в самых общих выражениях: «сшел безвестно», «сшел в мир», но и в этих источниках встречаются указания об уходе в сибирские города, в различные уезды Поморья и Центра страны. Иногда писец за-

¹ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.

² А. Ц. Мерzon, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого. М., 1960; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Зап. Урала в XVI — нач. XVIII вв. М., 1956; Его же. К вопросу о миграции населения на Урале и в Зап. Сибири в XVII — нач. XVIII вв. — «Вопросы аграрной истории Урала и Зап. Сибири», Свердловск, 1966; А. И. Комиссаренко (неопубликованная диссертация), В. П. Чепяков и другие.

писывал и судьбу членов семьи: «двор пуст Ивашки Иванова, Ивашку убили литовские люди в 121 году, а жена его и дети бродят меж двор»³.

Более подробные сведения о движении населения дают первые переписные книги (40-е г. XVII в.). В них учтено все взрослое и малолетнее (от 4 до 13 лет) мужское население не только тяглых дворов, но и других категорий (дворники, соседи, работные и разные группы наемных людей). Значительно полнее отражены и миграционные процессы и причины, определявшие все возраставшую подвижность населения под влиянием изменявшихся социально-экономических условий. Хотя и в несколько общих выражениях, но отражается влияние правительственной деятельности, государственного феодализма на жизнь черносошных крестьян Европейского Севера (усиление воеводской власти на местах, рост податей и повинностей и т. д.). Отсюда преобладание такой причины как обнищание «от на瓦льного письма» предыдущего описания, потеря тяглоспособности всей семьи, дворовой складнической организации после смерти главы двора, разорение от прожиточных «горлопанов и ябедников». Обычно указывается год ухода или бегства и судьба всех членов семьи: «Разбрелись в мир безвестно в 138 г., жен и детей не осталось», ... «шел с женой безвестно в 150 г.»..., «шел с сыном Исачком и с женой на Ветлугу в 153 г.»..., «шел в Сибирь в 140 г.»⁴.

В большинстве случаев указывается дата запустения, что позволяет выявить период наиболее интенсивной миграции населения. Так, в 1647 г. в Тотемском у. было 396 пустых дворов. Из них 57 дворов потеряли своих владельцев в 1621—1631 гг., 114 — в 1632—1641 гг. и 121 двор — в 1642—1645 гг. Особенно много разбежалось тяглого населения в 1645 г. «от хлебного недороду и немерного правежу». Большинство «сошли безвестно» за пределы уезда.

Преобладают указания на выбытие всех жильцов двора. Особенно часты примеры, когда после смерти главы семьи жена и дети, бросив тягло и двор, скитаются «меж дворы».

Слабая сторона этих источников в том, что они не отмечают выбытие людей из живущих дворов. А что миграция из тяглых семей сыновей, братьев и других родственников была, это бесспорный факт, признанный в нашей литературе. Почти совсем не отражены прибывшие в уезд люди. В итоговых данных и в переписных книгах указано только количество пустых дворов, а все остальные сведения необходимо выбирать по тексту.

³ ЦГАДА, ф. 1209, К-479, л. 85.

⁴ ЦГАДА, ф. 1209, К-15049, лл. 44—45, 49 об., 56, 118.

Нередко в переписных книгах находим сообщение, откуда и на какой срок порядились наемные люди. Так, за гостем Бахтеяром Булгаковым в дер. Федоровской в 1646 г. жили его «деловые люди Федорко да Ефимко Евсиевы с Мезени, Ивашко Юрьев, вондокур»... Во дворе крестьянина М. И. Титова живет «наемный работной человек Пашка Васильев Незнахин из Вотченской волости, нанят до срока до Дмитриева дни Селунского 155 году»... «Во дворе Иева Кубасова живут наймиты Иван Микитин пинежанин и Генка Кокшар, наняты до Покрова 155 году»⁵.

Миграция поморского населения в период с 1646 по 1679 г. отражена в писцовых и переписных книгах 70-х гг. По большинству северных уездов одновременно с описанием, нашедшим свое отражение в писцовых книгах, шла и перепись населения. В наказах переписчикам давались в сравнении с 1646 г. более четкие инструкции об учете всего мужского населения, наказывалось выяснить, когда и куда исчезли жители пустых дворов, откуда и когда переселились люди в новые дворы и населенные пункты.

Несмотря на общие для всех писцов указания, исполнители на местах нередко отступали от инструкции и «примеялись» к местным условиям и традициям писцового дела. Например, в книгах Яренского у. указан возраст всего мужского населения, а во многих книгах по другим уездам — только до 14 лет. Описания и перепись во времени совпадали, часто то и другое проводили одни и те же лица, но сведения о движении населения в писцовых и переписных книгах нередко не идентичны. Более подробные и полные данные по интересующему нас вопросу находятся в переписных книгах. Например, по переписной книге Тотемского у. учтено населения почти на 1000 чел. больше, чем по писцовой.

По Устюгу Великому начали описание в 1676 г., затем прервав его, провели в 1677—1678 гг. перепись писцы А. И. Лодыжинский и А. Ерофеев⁶. Они поступили несколько иначе, чем их тотемские и другие коллеги. В переписную книгу включили только наличное население, ни словом не оговорив о выбывших людях, о пустующих дворах. Все эти сведения по этому уезду мы находим не в переписной, а в писцовой книге. Зато Лодыжинский и Ерофеев в итогах о наличном населении дали более подробную возрастную градацию малолетнего мужского состава. Если обычно после указания числа дворовладельцев приводятся суммарные сведения о детях, братьях и других свойственниках, то здесь дополнительно малолетние разбиты еще и на

⁵ ЦГАДА, ф. 1209. Кн. № 15049, л. 28 об., 35 об., 80 об.

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, описание см. в писцовых книгах №№ 511—516, переписная книга под № 15047.

три возрастных группы. По самому Устьюгу всего взрослых разных категорий учтено 2439 душ м. п. и 1124 малолетних, из них: до 5 лет — 412 чел., 6—10-летних — 479 и в возрасте 11—14 лет — 233 чел. Это ценные данные для сопоставления с более поздними источниками о возрастном составе.

Анализируемые источники 70-х г. дают еще более богатые возможности для изучения миграции населения из уездов и ее причин. В них определенное отмечается места выбытия. Здесь уже значительно меньше общих указаний на «безвестное» выбытие. Сильнее прослеживается влияние на миграцию социально-экономических причин и влияние государственного феодализма. Но и по этим источникам мало сведений о пришлом населении. Такие сведения наиболее полно отложились лишь в книгах по Соликамскому, Чердынскому, частично Двинскому, Важскому и некоторым другим уездам.

Сведения писцовых и переписных книг о пришлом населении дополняют так называемые «крестоприводные книги», то-есть книги, содержащие перечни людей, приводившихся к присяге после вступления на престол нового царя. Больше такого рода источников за 1682 г., когда население приводилось к присяге Петру I⁷.

Особое место занимают переписные и так называемые ландратские книги первой четверти XVIII в.⁸ Известно, что

⁷ ЦГАДА, ф. 137, Городовая книга по Устьянским волостям № 3, по Пустозерску № 1, по Чердыни № 4, по Яренску № 2, по Соли Камской № 5 и др.

⁸ Ценность этих источников и в том, что они сохранились почти по всем северным уездам (переписные книги 1705—1710 гг. — до 16 уездам, ландратские — по 15 уездам). Нам известны следующие:

1) В Архиве ЛОИИ: ф. 10, оп. 3, дела 1, 26, 27 — переписные книги Архангельска и Двинского у. 1710 г.; дела 7, 26, 117 — переписные книги Мезенского и Кеврольского уездов 1709—1710 гг.; д. 2, 113 — Переписные книги Ваги с уездом 1710 г.; д. 20 — Переписная книга Кольского у. 1710 г.; д. 365 — Переписная книга Пустозерского у. 1711 г.; д. 744 — Ландратская книга Подвинской чети Важского у. 1717 г.; Там же, ф. К—115, д. 305 — Переписная книга Каргоцоля 1710 г.

2) ЦГАДА, ф. 350: дела 1, 2, 3 — Ландратская книга Важского у. 1716 г.; д. 802 — Ландратская книга Двинского у. 1716—1718 гг.; дела 553—559 — Ландратская книга Вологодского у. 1717 г.; д. 4249 — Ландратская книга Соликамского у. 1715 г. (владения Строгановых); д. 4513 — Ландратская книга Устьянских волостей (по описи в ЦГАДА числится как Ландратская книга Тотемского у.); д. 4661-А — Сведения из Ландратских книг Вятских уездов; д. 4743 — Ландратская книга Чародинской округи 1719 г.; д. 5694 — Ландратская книга нескольких станов Устьюжского у.; д. 6073 — Переписная книга Яренского у. 1710 г. (д. 6074 — Переписная книга Яренского у., без начала и конца); д. 6075 — Переписная книга Яренского у. 1707 г. (по описи ошибочно датирована 1719 годом); дела 1346 и 1348 — Переписная книга Карго-

эти источники у историков, изучающих народонаселение страны, вызвали определенное недоверие. Этому способствовало то, что в свое время П. Н. Милюков, М. В. Клочков и другие исследователи народонаселения России конца XVII—нач. XVIII в. не критически использовали данные переписей петровского времени для определения количества населения в стране. Отсюда те сопоставления и выводы, которые вызвали обоснованные сомнения.

Безусловно, скептическое отношение к этим источникам имеет серьезные основания, особенно в тех случаях, когда они используются для выяснения количества всего населения Русского государства, для сопоставления их сведений о численности населения в начале XVIII в. с данными переписей населения в 70-х годах предыдущего столетия. Для этой цели эти документы явно не пригодны из-за огромного в то время уклонения населения от переписей, из-за стихийной и сознательной утайки жилых дворов от учета.

Правда, П. Н. Милюков пытался по переписи 1710 г. выяснить и некоторые вопросы миграции. Но из этого ничего не получилось в силу неверных исходных положений автора. Он проследил судьбу 19 376 убыльных дворов, из которых по его подсчетам 29% запустило по естественным причинам («умерли в своих домах»), 20,4% — под влиянием правительственной деятельности, 37,2% — от побегов и т. д.⁹. Эти сведения собраны из итоговых данных переписных книг уездов различных районов страны, сюда, видимо, попали и уезды Поморья. Собственно миграционные процессы здесь отражены довольно скучно.

Другой дореволюционный исследователь, анализируя перепись 1710 г., также главное внимание обратил на выявление количественных показателей убыли дворов¹⁰. При этом автор неправомерно объединил в одно понятие, в одни показатели общие данные об убыли дворов в сравнении с 1678 г. с данными о действительно запустивших дворах. В

польского у. 1712 г.; д. 1347 — Ландратская кн. этого же уезда; д. 1847 — Ландратская кн. Мезенского у.; дела 4235—4236 — Ландратская кн. Сольвычегодского у. Там же, ф. 1209; К-1634 — Переписная кн. Орловского, Котельничского, Слободского и Шестаковского уездов 1710 г.; К-1060 — Переписная кн. Орловского у. 1705—1706 г.; К-1082—1083 — Переписная кн. Сольвычегодского у. 1710 г.; К-1084—1085 — Ландратская кн. этого же уезда 1717 г.; К-1096—1098 — Переписные кн. Вятского у. 1706—1710 гг.; К-1099—1100 — Ландратская кн. Хлыновского у. 1707 г. Там же ф. Сибирского приказа; д. 1511 — Дозорная кн. Соликамского у. 1707—1708 г.; д. 1521 — Переписная кн. Чердынского у. 1710 г.; д. 1538 — Дозорная кн. Соликамского у. 1710 г.

⁹ П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 205.

¹⁰ М. В. Клочков. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1, СПб., 1911, гл. III—IV.

действительности же переписные книги 1710 г. довольно четко выделяют пустоту, не смешивая это с показателями о всей убыли дворов. Приведем пример по Подвинской чети Важского у. По переписи 1678 г. учтено 2340 крестьянских и бобыльских дворов, в 1710 г. — 1122 двора. Общая убыль выразилась в 1218 дворов, но пустых оказалось всего 371 двор. О судьбе остальных убылых 847 дворов в переписной книге ничего не сказано. Переписчики не смогли выяснить их судьбу и ограничились лишь фиксацией факта убыли¹¹. Определяя причины убыли населения, М. Клочков, выделив «народные бедствия» как одну из причин, не обнаруживает обострения классовой борьбы в северной деревне и в целом изменявшихся социально-экономических условий жизни. Он проследил судьбу 10 000 запустевших дворов. Группировка причин запустения взята по Милюкову. Оказался примерно тот же процент бежавших, умерших и мобилизованных от общего числа пустых дворов. Но М. Клочков дает удельный вес каждой группы выбывших из запустевших дворов и по отношению к итогу переписи 1678 г. По его подсчетам получился, что после 70-х годов мигрировало около 10% населения¹².

Детальный источниковедческий анализ позволяет получить значительно большие сведения о миграции. Пожалуй, наиболее богатый материал дают дозорные книги 1707—1710 гг. по Соликамскому и Чердынскому уездам. Это убедительно показал Н. В. Устюгов, использовавший дозорную книгу по Соли Камской, особенно при изучении иммиграции в этот уезд.

Перепись Архангельска и Двинского у. проведена в 1710 г., результаты которой в подлинных и копийных переписных книгах хранятся в архиве ЛОИИ¹³. Даны общие итоги Емецкой, Волокопенежской и Окологородной четвертей (д. 26, лл. 769—771); по Низовской трети и в целом по всему уезду итогов нет. В сводных данных количество живущих дворов сравнивается с наличием их в 1678 г. Учтено все наличное мужское и женское население.

Указав количество убылых дворов, переписчики не приводят сводных данных об убылом населении и причинах выбытия. Все это можно выявить только в результате текстуального просмотра и выборок. В тексте указан возраст каждого жителя двора и что еще более интересно — указана и площадь земли, числящейся за двором в вервях, саженях и

¹¹ ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 744.

¹² М. Клочков. Указ, соч., стр. 254.

¹³ Ф. 10, оп. 3, дела 1, 26, 27.

более мелких местных измерениях. Это идет еще от традиции писцовых описаний¹⁴.

По Кеврольскому у., как указывалось выше, есть переписная книга 1709 г., скрепленная подписью порутчика Якова Гаврилова Селиверстова¹⁵. В начале идет перепись наличных живущих дворов, а с листа 52 — пустых. Учтено только мужское население. Перепись проводилась по старой еще инструкции. В 1710 г. проводится перепись Кеврольского и Мезенского уездов на новых общих основаниях полковником И. И. Переярестовым. Сличение двух переписей по Кеврольскому уезду позволило сделать два интересных наблюдения. Во-первых, число и причины действительно запустевших дворов за время с 1678 года совпадают в обеих документах. А вот сведения о количестве живущих дворов резко расходятся (по учету 1709 г. дворов 895, людей 2691 душ м. п., в 1710 г. дворов 1351, людей — 3224 мужчин да 2489 женщин).

Приводим сопоставление двух переписей по станам и волостям:

Станы и волости	1709		1710	
	дворов	душ м. п.	дворов	душ м. п.
Кеврольский стан	251	694	323	1209
Марегорская волость	16	71	28	91
Веркола	25	95	53	192
Лавела	34	138	63	236
Сура и Сулецкие деревни	80	287	129	432
Нюхча	28	118	38	103
Выя и Кереские деревни	106	354	151	475
М. Пинежка	87	233	78	256
Пиринема	66	230	151	423
Чакола	87	229	132	399
Перема	85	187	140	351
Пилья Гора	30	72	65	189
Итого	895	2691	1351	3224

¹⁴ «...во дв. Павел Патракиев — 70 лет. у. него жена Евгенья — 65 лет, сын Алексей — 40 лет, у него жена Настасья — 34 лет, сын Михайло — 6 лет. Земли 63 сажени. В том же дворе живет подсоседник Иван Аврамьев сын Распутин — 30 лет, хром, жена Соломонида — 25 лет, дочь Ефимья — трех лет. Земли 41 саж. две чети. А его, Иваново, избенко обветшало и пусто» (д. 26, лл. 117—117 об.). «двор пуст Трофима да Пантелей Козминых детей Лохова. Они живут на половье у Артемья Кирилова и писаны выше сего. Земли у них 29 саж. 2 чети». (д. 26, л. 18).

¹⁵ ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 25.

Только в Пинежской волости количество дворов в 1710 г. показано меньше. Во всех остальных — увеличение в $1\frac{1}{2}$ —2 раза. Получается, что в 1709 г. укрылось от учета 456 дворов, или более 33% (в сравнении же с 1678 г. уменьшение выразилось в 233 двора, или на 20,4%). Безусловно, что и в 1710 г. не все дворы были учтены, хотя в целом в сравнении с 1678 по этому уезду значится прибыль в 77 дворов (6,7%), кстати, и по Мезенскому у. оказалась прибыль в 90 дворов (10,2%). Как известно, только эти два уезда всего Европейского Севера в 1710 г. дали прирост дворов, и вряд ли в силу тех причин, которые высказал Милюков.

Более дотошная деятельность переписчика Перекрестова и, видимо, вылившаяся наружу противоречия внутри крестьянских миров позволили выявить укрытие дворов от учета в 1709 г. Это тем более вероятно, что вряд ли укрытие от обложения делалось без согласия всего мира деревни или волости. В подтверждение этого предположения можно привести следующие сведения из переписных книг 1709 и 1710 годов по деревням волости Пилья Гора:

Деревни	Живущих дворов		Укрылось от учета	
	1709 г.	1710 г.	дворов	% %
Булаево	3	5	2	40,0
Лушевская	3	6	3	50,0
Великодворская	3	5	2	40,0
Ефремовская	2	6	4	66,6
Крылова Гора	4	9	5	55,5
Чертково	1	4	3	75,0
Новинка	4	9	5	55,5
Олексеевская	2	6	4	66,6
Вижево	5	8	3	37,5
Реполская	3	7	4	57,1
Итого	30	65	35	53,7

Укрытие 40—75% дворов по деревням этой волости не могло не вызвать противоречий, борьбы при раскладке налогов. И новый учет, так быстро последовавший за первым, обнаружил утайку. Можно предположить, что жилые дворы не только укрывались от учета, но и объявлялись пустыми. Особенно вызывает сомнение пустота таких дворов, жители которых разбрелись в год переписей, переселились в другие дворы. Это было временем и заранее обдуманной мерой. Укрупнение дворов подтверждается данными тех же двух переписей Кеврольского у.

В 1709 г. в среднем на учтенный двор приходилось 3 души м. п., а в 1710 г., после более детальной проверки, — 2,5 душ. Если считать, что увеличение мужского состава двора в 1709 г. произошло за счет фиктивных пустых дворов, то и в этом случае реальное количество пустых дворов уменьшается всего на 16 %. В действительности же — еще меньше, так как число пустых дворов и по переписи следующего года осталось таким же.

Из всех просмотренных нами документов по переписи 1710 г. наиболее интересной является переписная книга Важского уезда 1709—1710 гг., особенно Шенкурской чети. Ее составители (бурмистры А. Едемский, Ф. Шилов, А. Тетеревлев) не просто дали срез жилых и пустых дворов на год учета, а и попытались выявить все изменения состава дворов после 1678 г.

Считаем необходимым привести следующий отрывок, хорошо поясняющий методику работы писцов.

«Дер. Даниловская и Рыбинская тож. Дв. Григорья Рыбина. Он Григорей умре, а ныне тем двором и тягло треть и полмалой трети обжи владеет по наследию сын ево Федор. У него дети: Харитон семнадцати лет, Михайло девяти лет, он Федор сорока дву лет. Дв. Ильи Савина. Он Илья умре, а ныне тем двором и тягло полтрети и пол-полмалой трети обжи владеет по крепости Василий Ларионов. Он Василий двадцати лет. Место дворовое пусто, что был двор Ивана, Лариона, Артемья Федоровых детей. Запустело то дворовое место и тягло полтрети и пол-полмалой трети обжи в 205 г., они умре, детей никого не осталось. Двор Лариона да Михаила Даниловых детей, Ларион умре, а Михайло скитаецца в мире. А ныне тем двором и тягло четъ и малая треть обжи владеет по крепостям Леонтий Иванов. Он Леонтий сорока четырех лет»¹⁶.

Бурмистры за основу взяли владельцев дворов по переписи 1678 г., проследили, кому и на каком праве двор и тягло переходили в период до 1710 г., указали владельцев на время учета в 1710 г. и возраст каждого из них. По этой книге хорошо выясняется причина и время запустения, но и этот источник не дает сведения о выбывших из жилых дворов.

Бурмистры других четей Важского у., подводя итоги по волостям и уездам, выделяют «прежние» (то есть числившиеся в книгах 1678 г.) и вновь поставленные дворы, пустые дворы старой и новой пустоты. Отмечая год смерти в «своих домах» и на работах в Азове, Архангельске, Петербурге, год бегства в Сибирь и другие места, писцы и по этим

¹⁶ ЛОИИ, ф. К-115, д. 306, л. 83.

четям не отмечают ухода населения из живущих дворов и приходцев из других уездов.

Таким образом, дозорные и переписные книги 1705—1710 гг. являются ценными источниками для выявления отхода поморского населения из дворов, числившихся на время переписи пустыми. Исключение составляют источники по Соликамскому и некоторым другим уездам, в которых мы находим сведения о выбытии людей из живущих дворов, а также и о притоке населения извне.

Несколько подробнее остановимся на источниках так называемой Ландратской переписи.

Считая главной причиной «пустоты» укрывательство от переписей, правительство Петра I предпринимает новую попытку произвести поверку проведенного учета путем новой переписи. Осенью 1715 г. делаются соответствующие об этом распоряжения только что назначенным начальникам долей губерний — ландратам. Перепись в основном велась в 1716 и 1717 гг., но в ряде уездов страны, в т. ч. и на Севере, она продолжалась даже в 1719 г., когда ее результаты потеряли практическое значение, поскольку к этому времени уже оформлено решение начать подушную перепись, перейти к ревизскому учету¹⁷.

Для изучения миграции населения ландратские переписные книги являются наиболее ценным источником. В них в итоговых данных по станам и волостям, а также в целом по уезду сравниваются сведения Ландратского учета с переписными книгами 1678 г., с результатами переписей в начале XVIII в.

Формуляр этих сводных данных в основном встречается в двух вариантах. В Ландратских книгах по Вологодскому, Важскому, Соликамскому, Каргопольскому, Яренскому, Мезенскому, Двинскому, Хлыновскому, Орловскому, Котельническому уездам и Чарондской округе итоговые сведения даются в текстуальном изложении, без таблиц. Причем, сведения о выбывшем и переместившемся внутри уезда населении по этим уездам по своей полноте не одинаковы. Так, в книгах по Вологодскому, Каргопольскому, Яренскому, Мезенскому и Двинскому уездам сведения о том, куда выбыли люди, можно получить только путем тщательного анализа текста книги, в итогах их нет¹⁸.

¹⁷ Например, по Чаронде перепись в 1717—1718 гг. охватила только живущие дворы. Поэтому ландрат И. И. Ляпунов в 1719 г. переписал «пустоту» (ЦГАДА, ф. 350, д. 4743).

¹⁸ «Двор пуст Василия Никифорова Окулова, а он Василий выслан в Санктпетербург в Адмиралтейство в работники в 1715 г. в генварский наряд, и в дом свой не бывал и сведения о нем нет. А жена его Ирина Козьмина дочь сошла безвестно в 1716 г.» (Ландратская кн. по Каргополю, ф. 350, оп. 3, д. 1347, лл. 23—23 об.); «Двор пуст Семена Наумова Волкова, а он с женою Анной Дмитриевой дочерью в 1709 г. ум.

Выборка по тексту источника таких сведений — дело чрезвычайно трудоемкое, но награждает исследователя интереснейшим материалом. Приведенная выпись достаточно убедительно характеризует судьбу людей того времени, когда тяглый двор, вся семья распадалась под влиянием правительственной мобилизации. Таких примеров огромное количество по всем северным уездам.

В Ландратской книге Соликамского у. (владения Строгановых) все выбывшие в итогах разделены только на 4 группы: умершие, бежавшие, скитающиеся в мире и взятые в рекруты. Причем и эти сведения только за время с 1711 по 1715 гг. В тексте не сказано, куда люди бежали, но указывается год бегства.

По Чарондской округе книга Ландратской переписи 1717 г. нами не найдена. Имеется результат вторичной ландратской переписи, проведенной в 1719 г. ландратом И. И. Ляпуновым. Это было вызвано тем, что в 1717 г. не были учтены пустые дворы и причины их запустения. Ляпунов детально выяснил пустоту почему-то только с 1710 г. Но в итогах дает лишь общие сведения, не группируя выбывшее население по направлению миграции. Эти материалы опять-таки можно найти только в тексте источника. Здесь целые деревни в 4—6 дворов писаны пустыми, так как взрослые мужчины взяты в Азов, Таганрог, в Петербург и там умерли или домой не вернулись, а жены их «оскудали и с детьми бродят по миру»¹⁹.

Из этой группы уездов наиболее подробные сведения о выбывшем населении мы получим в итогах книги по Подвинской чети Важского у.²⁰ Видимо, таковы эти источники и по другим четям уезда, но нами они не найдены. Здесь «расход» населения не только из запустевших, но и из жилых дворов по переписям 1678 г. и 1710 г. Например, после переписи 1678 г. из жилых дворов померло 3499 чел., взято в солдаты 132, под Азов, Киев, Чигириин и разные полки — 105 чел., в плотники: в Таганрог — 29, к Архангельску — 7, в Петербург — 7, в Воронеж — 1 чел., взято в работники в Петербург 71 чел., сошло в Сибирские города 708 чел., к Соли Камской — 162, в Устюжский у. — 12 чел.

ре, а дети их: Андрей в Санктпетербурге на государевой работе в 1716 г. в майском наряде умре, Иван выслан в Санктпетербург в работу в 1717 г. в сентябрьский наряд и в дом свой не бывал, а жена его Иванова Марфа Степановна дочь с дочерью своей Парасковьей сошли безвестно в том же 1717 г. (там же, лл. 27 об. — 28); «Двор пуст Тарха Григория Клыкова, а он Тарх умре на государевой работе на Олонецкой верфи в 1704 г., а дети ево Карп да Федор съехали в Сибирские города в 1706 г. От роду никого не осталось» (там же, л. 595 об.).

¹⁹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 4743, лл. 38 об., 39 об., 50, 54, 64; 73; 88 об.

²⁰ ЛОИИ ф. 10, оп. 3, д. 744.

и т. д. Затем подробно перечисляется выбывшее население из запустевших дворов, что запустили в период с 1678 по 1710 гг., а с 1710 по 1717 гг., годы выбытия даны только в тексте книги.

Второй вариант формуляра сводных итоговых данных встречается в ландратских книгах Устьянских волостей, Сольвычегодского, Великоустюжского и др. уездов. Здесь итоги переписи даны в форме таблиц, в которых отражены и миграционные процессы. Итоговые таблицы не во всех источниках абсолютно одинаковы. Видимо, каждый переписчик разработал ее сам. Но везде более подробно, чем в текстуальном изложении, даны сведения о наличном населении и движении за время с 1678 г.

Выбывшее население отражено в двух разделах таблиц. Первоначально даются сведения о выбывших «из жилых дворов, которые в нынешних переписных книгах написаны жилыми». Эти сведения даются по категориям населения (черносошные, монастырские, частновладельческие и т. д.) и затем показано общее количество выбывших. Эта последняя графа таблицы в Ландратской книге Устьянских волостей выглядит так.

Куда выбыли	Мужч.	Женщин
1. Померли в разных годах	1690	307
2. Взяты в солдаты и рекрутты	178	—
3. Сошли в сибирские города	343	94
4. Сошли безвестно	231	60
5. Скитаются в мире	164	179
6. Тех же волостей на другие жеребьи перешли во крестьянство	108	116
7. В С.-Петербурге на работе умерли	70	—
8. В С.-Петербург на работу высланы	15	—
9. У сидательного строения померли	2	—
10. Сошли в Верховские города	15	1
11. Той же губернии в разные города и уезды	80	36
12. В монахи и вкладчики	6	—
Итого:	2902	793

Затем показываются итоги по выбывшим из пустых дворов. Приводим и эту часть таблицы.

Пустота и куда люди выбыли	Пустых дворов	Выбыло	
		муж.	жен.
Запустело дворов до 1710 г.	421		
Запустело с 1710 до 1717 г.	472		
Померло в разных годах	1362	23	
Взято в солдаты и рекрутты	95	—	
Сошли в сибирские города	543	234	
Сошли безвестно	252	184	
Скитаются в мире	383	502	
В той же волости на другие жеребьи	150	128	
В С.-Петербург на работах умерли	95	—	
В С.-Петербург высланы на работу	10	—	
В С.-Петербург на вечное житье	12	8	
Сошли в Верховские города	21	3	
Сошли в города и уезды той же губернии	139	106	
У сидательного строения померли	1	—	
В монахи и вкладчики	12	8	
Итого:	3067	1286 ²¹	

По тексту книги можно нарисовать более подробную картину движения населения, выявить годы смерти и выбытия людей.

Как видим, ландтагские книги дают возможность получить сведения не только о дворовладельцах, но и о всех членах жилых и пустых дворов. В этих же источниках, правда не во всех, есть сведения и о прибывших в уезд людях. Так, по тем же устьянским волостям «той губернии и с разных городов и уездов и вышеобъявленных волостей с других жеребьев скитались» 635 муж. и 883 жен.

* * *

Думается, что после даже такого краткого источниковедческого анализа достаточно убедительно очерчивается большое значение писцовых и переписных книг для изучения причин и направления миграции северного населения в XVI — нач. XVIII вв. Эти положительные качества характерны и для такого рода источников других районов страны. При всей трудоемкости работы с ними, они заслуживают большего внимания при изучении миграционных

²¹ ЦГАДА, д. 350, оп. 3, д. 4513, лл. 677—680 об.

процессов, особенно все возрастающей подвижности населения, начиная с XVII в. Опровергается пущенное в свое время дворянско-буржуазной историографией обвинение в адрес русского крестьянства в его якобы извечном стремлении к бродяжничеству. Отсюда и закрепощение крестьян вроде бы было объективной необходимостью...

Наши источники, как свидетели лет минувших, показывают, что именно закрепощение, усиление феодального гнета, развитие товарно-денежных отношений, зарождение элементов буржуазных отношений — именно все это привело к нарушению стабильности населения по месту жительства.
